

В ноябре 2006 года ушёл из жизни Народный поэт Татарстана, лауреат Государственной премии Республики Татарстан им. Г.Тукая – Мударрис Аглямов. Он был настоящим явлением в поэтической жизни татарского народа второй половины 20-го – начала 21-го веков. Его называют вторым Тукаем, и время показывает – людская молва в своем суждении не преувеличивает. Сегодня мы печатаем поэму Мударриса Аглямова «Арба Акмуллы»

ПОЭМА

Мударрис Аглямов

Арба Акмуллы*

---

* Поэт, просветитель. В 2007 году – 175 лет со дня рождения

Пролог

Желая людям счастья, много лет
являлся он, учёный и поэт,
везде, где нужно, с нужными речами:
умел и слушать, судя по всему,
свет сердца разгонял молчанья тьму
и освещал участия лучами.

По кругу
к очагу от очага
степь обходил в дожди или снега,
в грехе увязшим помогая делом,
но, не прощая жадности и лжи,
зажравшихся разгул и кутежи
разил народным словом
звонко-смелым.
В години бед звала его судьба
степным народам
облегчать напасти...

...была у Акмуллы своя арба,
чей кузов разделил он на три части.

Куда в степи дорога ни ведёт,
вокруг лежат четыре дали света,
повсюду с нетерпением ждал народ
певучую арбу – арбу поэта.

На помощь
ждал умелых рук его,
на помощь
ждал стихов или совета,
но пуще ждал поэта самого,
поскольку знал в то время цену света.

Завидев, ставил на таган котёл,
и закипала весело водица...
Народ доныне ждет, чтоб он пришел, –
нам остается разве изумиться.

Когда рубил избу его топор,
сосновые венцы слипались, словно
сработаны поэтом, до сих пор
не шелохнулись крепких срубов брёвна,
но складывал стихи еще прочней,
соперничал с чеченами степными,
не гостем он входил в сердца людей,
народ считал его слова своими...

А мы, газеты местные в столбец
исписывая хмурыми грехами,
тысячелетья третьего конец
венчая бездыханными стихами,

давно дверные пробузив глазки,
в душе замучив честное призванье,
как из колодца, черпаем с тоски
из книг – о жизни скудные познания.

Чтоб щедро зацепить ведром воды,
к чему на дно колодца опускаться?
К тому же
для чего твои труды,
когда не видно жаждущих, признаться...

Стучится кто-то в двери... Чур меня,
поклонник сельский, стихолюб с пелёнок!
Поди впусти его, потом полдня
терзайся от рассказов-побасёнок.

Стучится кто-то в двери... Невдомек
ему, что я в запарке – книга в плане.
Спасительно гляжу в дверной глазок:
что это там колыхнется в тумане?

Стучится кто-то в двери... Невпопад!
Ведь завтра день рождения Тукая.
Мне предстоит слудить о нем доклад,
в народность острой мыслью проникая.

Стучится кто-то в двери... Сохраню
молчание привычно и умело.
Хоть сорок дел засохни на корню –
поклоннику до них какое дело?!

Они и сами сочинять не прочь,
ободри лишь –
начнётся писанина!
А мне – полстрочки написать невмочь,
текучка засосала, как трясина.

Им невтерпеж,
открой им хоть разок,
а может, у поэта воскресенье?!
Глядишь на них, глядишь... в дверной глазок,
в одном лишь этом обретя спасенье.

Кто помоложе,
прёт, не пряча глаз,
в литературу и твою квартиру...
Где места взять? Ведь план в два года раз
тонюсенький твой сборник дарит миру.

Причем на людных сборищах вразнос
кричим, дойдя до белого каленья,
что волочить литературный воз
есть среднего задача поколенья!

Эй, книжники, привычные к перу,
Тукая театральные подобья,
неужто Акмулла учил добру,
используя учебные пособия?!
Народ поэта чествовал, о да,
но в чём же уважения истоки?
Советской власти не было тогда –
попробуй, проживи, формуя строки!

Да, жизнь была жестока и груба,
но странствовал поэт
ни с кем не в ногу,
есть и у нас, товарищи, арба,
есть воз литературный, слава богу!

Посредством книжек и телепрограмм
народ мы познаем и мудро судим.
В дверной глазок
не видно разве вам:
– Поэта дома нет,
подался к людям!

Сподручно нынче строить мудреца
и, прячась дома,
числиться в народе,
по телевыражению лица
писать стихи и пьесы нынче в моде...

...но жить-то надо... По делам и честь.
Со всеми ровня ты в литературе.
Хватил я лишку, но ведь что-то есть
в набросанной на нас карикатуре.

Да, надо жить...
Вздымая на горбу
поклажу долга, памяти и дела,
в стихах восславим Акмуллы арбу,
три секции в ней было,
три отдела...

Отдел первый

Здесь был топор, отточенный весьма.
Фигурное окно. Резная птица.
Когда бы люди ладили дома,
как думается, грезится и мнится,
до неба стены вывели б они,
чтобы работой любовался век ты.
(Покуда только подновляй, чини,
до будущих времен оставь прожекты.)

Мечты-то высоки, а век зачах:
гниют устои, рухнуть изготоясь.
Но если голова есть на плечах,
сообразись топор заткнуть за пояс.

Впустую бег времен не торопи,
но не терпи
безвольно-виновато.
Себя народы сознают в степи,
во веки живо дело Салавата.

Обыкновенный плотницкий топор...
Но прошлое оставило зацепку:
запомнил навсегда степной простор –
не чурбаны, людей крошили в щепку...

* * *

Начало века. На земле темно.
Но в жажде света дни неутолимы.
Необходимо для души окно,
как окна для избы необходимы.

Но окна невозможны без избы:
Мифтахетдин, во всё своё уменье,
выверивает врытые столбы, заводит
сруба золотые звенья.

Он был чернорабочим на веку
не за дешевой славой в погоне, –
в одно сливались,
как слова в строку,
мозоли на писательской ладони.

Он возводил дома своим трудом,
он рано понял,
странствуя по миру:
на отчей почве нужен отчий дом
татарину, казаху и башкиру.

В своей отчизне
каждый должен жить,
чтоб стать и людям, и народам равней,
чтоб, если бой, то голову сложить
за эту землю,
что зовет он кровной.

* * *

Двадцатый век – как отдалённый гром...
Строка в душе, пила в руке – совместны.
В арбе он возит рядом с топором
рубанок, скобель, долото, стамески.

...На ставне вырезает ли узор
для заново отстроенного дома
или стихи вставляет в разговор,
звучащие так мудро и знакомо, –

все это в лад выходит у него:
едины совесть, труд и мастерство.

...Народ помянет плотника добром,
чтоб окна были светлыми в деревнях,
он топором владеет, как пером,
не различая два искусства древних.

Отдел второй

Жизнь – странствие. Бездонно голубы
над степью небеса – до всех краин
дошла известность старенькой арбы,
но славен сквозь года её хозяин.

...Второе отделение – для книг,
хранящих честь родной татарской речи...
Мифтахетдин далёко в степь проник,
уже и до Сибири недалече.

Не сдюжит сердце белого муллы*:
неужто по вельможным указаньям –
пробившим твердь тысячелетней мглы,
конец придет преданьям и сказаньям?

Неужто же,
хранимые века,
развеяны ветрами легче пуха,
исчезнут из родного языка
понятья чести, совести и духа?!

* * *

Мифтахетдин урок даёт в степи.
Давно уж псевдонимом стало званье,
Наслышаны о нём через стихи
в самой Казани, даже в Заказанье.

Но неприязнь он чувствует нутром,
его отнюдь не причисляют к лучшим
те, кто одним тяжёлым топором
наводят мост к людским заблудшим
душам.

Он учит... По складам ученики
уже урок заучивают дружно:
пусть гололобы, эти степняки
свою Казань восславят, если нужно.

Всё будет – государство, горы книг,
коль жив родной язык, язык надежды;
дух не исчезнет, если впрямь велик,
когда обрядят в новые одежды.

---

* Белый мулла – дословный перевод имени Акмулла

* * *

Вот потому и ездит на арбе
книг, преданных анафеме, собрание.
Сквозь все преграды верен будь себе.
сквозь горечь слёз
неси свое призванье!

Чтоб в человека превратить раба,
под вездесущим недреманным глазом,
везет по свету Акмуллы арба
надежду,
утешенье,
ум и разум.

Он ровня всем,
ко всем идет с добром,
три нации степных к нему с почтеньем...
Кровь разгоняет звонким топором,
дух утешает, воскрешает чтеньем.

Мир потрясать – врываюся гурьбой:
всласть покричали – и уже их нету...
Всю жизнь с чужою странствовать арбой?
Эх, до чего своя нужна поэту...

Отдел третий

И собственное место на арбе,
своё – во всех скитаньях и тревогах
своё – под солнцем – он отвел себе.
Необходимо мастеру в дорогах:
раз – не бояться чёрного труда,
два – у горячих слов обогреться,
особенно когда тебя года,
как таракана, выморозить тщатся.

Первопроходец, странный человек,
упрям и неуступчив по натуре,
он место знал своё.
Двадцатый век
его манил в объятья к новой буре.

Мулла нарёк его – Мифтахетдин.
Чего он сам достиг в духовном званье?
Не ради же
сверкающих седин
степной народ нашел ему прозвание?!

Он сын татарки-матери.
Но в мир
пришел со всеми поделиться светом.
Не зря казах, татарин и башкир
его донине чтут своим поэтом!

...в поклоне низком перед ним склоняюсь,
подумать, вновь подумать, подивясь,
и гордость ощутить, не возгордясь...

* * *

Ему хватало места самому,
но дань платил он часто злой невзгоде:
дубасила судьба, вела в тюрьму,
но песни оставались на свободе.

Поэты схожи судьбами порой
в том, как упорно им ломают крылья...
В скитаньях Акмуллы есть лад и строй
героики грядущего Джалиля.

Вот говорят, с женитьбой не везло,
но белизна и боль так часто вместе!
Известно, как по жизни тяжело
идти дорогой совести и чести.

Он и в Казань по этому пути
пришел, в литературный спор вникая,
но места своего не смог найти:
когда б изведал он судьбу Тукая!

Поэта бы, как боль, забыть давно,
но под повязкой лести и обмана,
как ни анестезируй, всё равно
народная щемит и ноет рана!

* * *

...Прошло столетье в славе и борьбе,
скрипит арба земной дорогой грешной...
Желал бы всем собратьям и себе
такой судьбы,
такой арбы неспешной!

Мы думаем, стремителен наш бег,
но, в наставленье всем порывам нашим,
арба въезжает в двадцать первый век.
Мы смотрим вслед ей
и платочком машем...

*Перевод с татарского
Рауиля Бухараева*

